

«ЗАКОНОПРОТИВНЫЕ СТИХИ»

Сообщение В. Соколова

В одном из частных московских собраний мною обнаружена была в свое время пачка документов, попавших в это собрание из архива Московской Межевой Канцелярии.

Осенью 1831 г. три чиновника Пермской Межевой Конторы обнаружили на столе в учрежденческой чертёжной два листка какой-то рукописи, показавшейся им подозрительной: по их убеждению, рукопись «можно было почесть за пасквиль, а если и не за таковой, то, по крайней мере, сии партикулярные и бесполезные бумаги писать, или их в присутственном месте оставлять, законом воспрещено».

Почерк был знакомый: это был почерк одного из их сослуживцев — некоего землемера Х.

Последовало донесение по начальству, к которому был приложен оригинал злополучной рукописи, по надлежащей форме заверенный всеми троими. Авторы донесения ходатайствовали «взять поступок землемера Х., равно и смысл сочинённых им стихов на рассмотрение, ибо стихи эти в законопротивном духе писаны на некоторые государственные заведения и составляют упрёк педагогическому инструменту».

На листках, легкомысленно оставленных землемером Х. на служебном столе, им была переписана часть одной из сцен 3-го действия «Горя от ума», а именно следующее место (приводим с соблюдением рубрикации оригинала):

Фамусов. Ну вот великая беда, что выпьет лишнее мужчина: ученье — вот чума, учёность — вот причина, что нынче пуще, чем когда, безумных развелось людей, и дел и мнений.

Хлёстова. И впрямь с ума сойдёшь от этих от одних, от пансионов, школ, лицеев (как, бишь их?), да от Ланкарточных взаимных обучений.

Княгиня. Нет, в Петербурге институт Пе-да-го-ни-че-ский, так, кажется, зовут, там упражняются в расколах и безверьи профессоры. У них учился наш родня, и вышел хоть сейчас в аптеку в подмастерья. От женщин бегаёт и даже от меня. Чинов не хочет знать; он химик, он ботаник, князь Фёдор, наш племянник.

Скалозуб. Я вас обрадую, всеобщая молва, что есть проект насчет лицеев, школ, гимназий, там будут лишь учить по нашему раз-два, а книги сохранят так, для больших оказий.

Фамусов. Сергей Сергеич, нет, уж коли зло пресечь, собрать все книги бы, да сжечь.

Загорецкий. Нет-с, книги книгам рознь, а если-б, между нами, был цензором назначен я, на басни бы налёг, ох! басни — смерть моя. Насмешки вечные над львами, над орлами: кто что ни говори, хоть и животные, а все-таки цари!

Получив донесение, начальство Пермской Межевой Конторы распорядилось велеть проштрафившемуся землемеру Х., «не продолжая более одного дня, подать объяснение о том:

1) В каком смысле определяет он будто-бы «ученье есть чума и причина, что ныне пуше, чем когда, безумных развелось людей, и дел, и мнений», и из каких именно событий, дел и мнений он то заключает.

2) Почему он себе дозволил утверждать, вопреки мудрому распоряжению Правительства и всех здравомыслящих людей, что, яко-бы, «и впрямь с ума сойдешь от этих от одних пансионеров, школ, лицеев», ибо всеми благонамеренными людьми признано, что они есть рассадник образования, ума и нравственности, как благодетельное ландкарточное обучение и занятия упражняющихся в географии и прочих теоретических науках, служащих к счастью благоустроенного государства.

3) Кто его уверил, или с какого повода он дерзнул написать, что в педагогическом С-Петербургском институте «упражняются в расколах и безверьи и профессоры», и говорит то тогда, когда не безызвестно ему, что в педагогическом институте воспитывались начальники его член Прутковский и второй Корбелецкий, и на какую он «родню» указывает, что, будто бы, вышед из оногo, может быть «подмастерьем в аптеке», ибо в оный поступают только для окончания высших наук, и, следовательно, таковым его выражением на чье лицо делает пасквильное порицание?

4) В сем смысле наводит сомнение и дальнейшее его описание.

Того ради обязан он неоспоримыми объяснить доводами:

а) где и как дошла до него «всеобщая молва» о таковом всеобщем разрушении учебных заведений, как он пишет «Что есть проект насчет лицеев, школ, гимназий, там будут лишь учить по нашему раз-два, а книги сохраняют... так, для больших оказий;

б) какое он разумеет «зло», для пресечения коего потребно «забрать все книги бы, да сжечь;

в) с каким намерением он вложил в уста нареченного им Загорецкого, что «если-б был цензором назначен», он «на басни бы налёт». Будто-б «басни смерть» его, ибо, якобы «насмешки вечные над львами, над орлами» и прочее, изражаемое чрез посредницу его, наименованную им Хлестова.

г) Чем он руководствовался при должности писать стихи, что доказывается тем, ибо ещё они не окончены? И для чего он то свое сочинение оставил при должности? Не с тем ли намерением, дабы внушить прочим его сослуживцам?»

В своем рапорте по начальству землемер Х. объяснил, что «стихи не его, но суть копия с выписки, сочинённой господином Грибоедовым, как значилось на бумаге, с коей они списаны».

Оригинал таковых найден им, якобы, на дороге, и так как бумага была настолько запачкана, что с трудом удавалось разбирать написанное, то в свободные минуты у себя на дому он их переписывал.

Не ограничиваясь подобным самооправданием себя, землемер Х. пытался обелить и самые заподозренные в злонамеренности стихи, говоря, что «они изображают характеры непросвещённых» и, видимо, «не имеют ни конца, ни начала».

Малоправдоподобная и наивная версия о случайной находке стихов где-то на дороге, указания о том, что стихи не имеют ни начала, ни конца, — всё это свидетельствует, что обвиняемый был встревожен не на шутку, причем опасения его были небезосновательны: Пермская Межевая Контора препроводила возникшее дело в Московскую Межевую Контору, с предложением об исключении землемера Х. со службы. Последняя, однако, оставила дело без последствий. Но характерно, что тянулось оно без малого два года: значится начатым 23 октября 1831 г., а решённым лишь 5 октября 1833 г.